

культуре, в государственном строительстве и хозяйстве; утвердит свои правила игры в международных делах, обретет все новых и новых союзников в геополитике.

Россия, подчеркивал Ильин, спасется только самостоянием, самопомощью, творческой самодеятельностью. «Кто бы я ни был, – я служу России, не маммоне и не просто «начальству», не карьере и не просто работодателю. Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее качеству, ее величию, ее совершенству, ее оправданию перед лицом Божиим»¹. Таковой была гражданская молитва Ивана Александровича Ильина. Россия для него была храмом, стоящим пред Богом.

И. А. Ильин, пишет Ю. Т. Лисица, – «философ стратегический». «Нет сомнений в том, что наследие мыслителя станет твердой опорой для грядущих поколений»².

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ИДЕИ В НАСЛЕДИИ И.А.ИЛЬИНА

Кетова Л.М

Русская идея переживает сегодня второе рождение, становится культурной реальностью нашего времени. Одни считают ее философией будущего, другие относятся, напротив, отрицательно. А.Гулыга, известный философ, автор книги «Русская идея и ее творцы» приводит на ее страницах ряд негативных мнений о Русской идее. Так А.Янов в книге «Русская идея и 2000 год» называет русскую идею «идеологией русского империализма». А вот мнения о русской идее некоторых участников конференции «Русская идея и новая российская государственность»: «Мы не знаем, что такое русская идея» (Лацис О.Р.). «Когда говорят о русской идее, у меня по коже пробегает легкий мороз. Потому что на самом деле это просто идея российской империи, не более того и не менее» и т. п.

Американский славист Дж. Л. Скэнлан рекомендует нам избавиться от «невроза уникальности», которым мы якобы страдаем: для этого он предлагает нам сдать русскую идею в архив так как «она ставит только преграды между Россией и цивилизованным миром» [3, с.11–12].

¹ Ильин И. А. За национальную Россию. // Слово 1991. № 6. С. 84.

² Иван Ильин и Россия.... С. 182.

Высказываются мнения о кризисе и даже деградации русской идеи сегодня [2, с. 293]. Между тем подлинное содержание русской идеи далеко от таких определений и таких представлений о нем.

Напомним, термин «русская идея» родился под пером Достоевского: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» [4, с. 37].

В. Соловьев в лекции под названием «Русская идея» говорил о том, что русская идея «не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет собой лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них» [7, с. 96].

Верить надо, видимо, создателям и носителям русской идеи, а не ее тенденциозным интерпретаторам.

Главные носители русской идеи – Достоевский, Соловьев, Федоров. Их предшественники – Карамзин, Хомяков. Их последователи – Розанов, Бердяев, Булгаков, Франк, Лосский, Карсавин, Ильин, Вышеславцев, Флоренский, Лосев и др.

Русская идея рассматривается сегодня как сложное, многоаспектное понятие. Так, профессор В.И.Копалов, руководитель научного семинара «Русская идея», выделяет пять ее аспектов: «Первый аспект – “Русская идея” как выражение национального самосознания русского народа. Второй – “Русская идея” как размышление об исторической миссии России, ее месте и предназначении в историческом процессе. Третий – “Русская идея” как выражение диалога культур Запада и Востока, понимание России как посредника между Западом и Востоком. Четвертый – “Русская идея” как религиозное, эсхатологическое предназначение России и Православия. И, наконец, пятый – “Русская идея” как манифестация русской культуры в целом и русской философии, в частности» [6, с. 4].

По мнению А.Гулыги, зерно русской идеи – понятие «соборности» как органического единства общего и единичного [3, с. 19]. Русская идея – мечта о соборном единстве человечества, о единстве, не

имеющем ничего общего с тенденциями современной глобализации, с выстраиванием жесткой иерархии стран и народов под предводительством избранных, навязывающих свою волю остальным и получающим от этого всевозможные прибыли и преимущества.

В русской идее отчетливо звучит предчувствие общей беды и мысль о *всеобщем спасении через соборное объединение*. Почему же эту идею объединения называют русской?

Русская культура, по мнению И.А.Ильина, – дитя исторических катастроф. Москву жгли татары, поляки, французы. Но Россия, как феникс, возникала из собственного пепла и вновь расцветала. Русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны. Сегодня весь мир сползает к катастрофе. Опыт России преодолевать беду может ему пригодиться.

Иван Александрович Ильин внес значительный и неповторимый вклад в развитие русской идеи. Русская идея как судьба России, как пути русского национального самосознания, как историческая миссия России пронизывает все его творчество. В работе «О русской идее» И.Ильин дает чеканную формулу русской идеи. «Русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего* сердца. Сердца, созерцающего *свободно* и *предметно* и передающего свое видение *воле* для действия, и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности» [5, с. 403].

И далее И.Ильин разъясняет суть этой формулы. Идея сердца – это идея любви. Издревле русско-славянская душа предрасположена к чувству, сочувствию и доброте. Приняв христианство, она отозвалась сердцем на главную его заповедь и уверовала, что «Бог есть любовь».

Любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Без любви – он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Русскому сознанию свойственно живое созерцание. Созерцанию, считает И.Ильин, нас учило наше огромное равнинное пространство, наша природа. От них наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Сердцу нельзя приказывать, его можно только зажечь любовью, поэтому наше сердце и созерцание требуют свободы. Но созерцание должно быть предметно. Оно должно

выразить нашу самобытность и наши идеалы. «Мы призваны не заимствовать у других народов, а творить свое и по-своему; но так, чтобы это *наше* и *по-нашему созданное* было на самом деле *верно* и *прекрасно*, т.е. предметно» [5, с. 408].

Каким укором нашему нынешнему состоянию, нашим ошибкам и заблуждениям, а где и предательству и преступлениям звучат слова И.Ильина: «Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами.

... Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой все остальное – «темнота» или «варварство». Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства... Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом смысл русской идеи» [5, с. 410].

В этих словах Ильина нет ни гордости, ни самопревознесения. И.Ильин трезво и объективно смотрит на путь России, на характер ее народа, указывает на их слабости, опасности и заблуждения, на необходимость их преодоления. В будущем, считает И.Ильин, нам надо выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести).

Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют свой закон.

Исходя из такого понимания русской самобытности, с опорой на свои первичные силы должны развиваться и наша религиозность, и наука, и право, и искусство. Русское искусство, по мнению И.Ильина, должно быть наполнено духом любовной созерцательности и самобытности, ему нет нужды подражать западному упадническому модернизму и бескрылому эстетизму. У русского искусства свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт.

Со всей серьезностью предупреждает нас Ильин об опасностях, которые могут помешать нам осуществить путь своего самобытного развития. Эти опасности тесно сопряжены, а иногда прямо проистекают от тех даров, которыми мы владеем. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, созвучная шири наших равнин, но этой свободе не хватает дисциплины, оформленности.

Отсюда наша тяга к безвластию, беззаконию, произволу, здесь причина колебаний нашего духа между слабохарактерностью и высшим героизмом.

Другая наша опасность исходит от наших природных богатств, от убежденности, что «у нас всего много и на всех хватит». Такая убежденность часто приводит к безумным тратам, беспечности, лени и безхозяйственности.

Тяга русской души к святости, покаянию и смирению часто доходит до крайних пределов и приводит нас к самоуничижению.

Крайности и колебания русской души от одного полюса к другому И.Ильин рассматривает как опасности для будущего России, но призывает не отречься из-за них от наших даров и сокровищ и «не искать спасения в механической пустоте и “американизме”» [5, с. 425].

Нельзя не заметить, что в оценке русского национального характера И.А.Ильин сходится с Н.А.Бердяевым, несмотря на его сложное отношение к последнему. И.А.Бердяев, как известно, в своей книге «Судьба России», особенно в главе «Душа России», подробно остановился на противоречиях и антиномиях русского характера. Оба они, как и другие русские мыслители, связывают эти противоречия с нашими пространствами, климатом, историей.

«Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ» – отмечает И.Ильин и указывает на три основных наших бремени: бремя земли, бремя природы, бремя народности [5, с. 428].

В тяжелых климатических условиях на огромных пространствах мы должны были собрать сотни народов, единую общность, единое государство и суметь защитить это государство.

Россия провела две трети своей жизни. Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, а о том, как вообще прожить. Поэтому жизнь нашего народа требовала напряжения всех сил и самоотверженного служения.

Как современно звучат слова И.Ильина о том, что «часто другие народы спасались нашими жертвами и безмолвно и безвозвратно принимали наше великое служение... с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, как о “некультурном народе” или “низшей расе”» [5, с. 430].

Творческое наследие И.А.Ильина, его мысли о судьбе России и ее народа проникнуты историческим оптимизмом, верой в ее духовное возрождение. Вся история России, история муки и борьбы, научила нас, по словам И.Ильина, «хоронить нашу национальную святыню в недосыгаемости», «незримо возрождаться в зримом умирании» [5, с. 431].

Эти мысли И.Ильина помогают нам сегодня переживать и изживать последствия очередной исторической катастрофы, верить в пробуждение здоровых духовных сил народа, в возрождение России.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 2000.
2. Ваторопин А.С. Кризис русской идеи // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы Всероссийской конференции (Екатеринбург, 17-19 ноября 1994), Екатеринбург, 1995.
3. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений, т. 18.
5. Ильин И.А. О русской идее. // Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002.
6. Копалов В.И. Об опыте работы научного семинара «Русская идея:// Судьба России: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы Всероссийской конференции (Екатеринбург, 17-19 ноября 1994), Екатеринбург, 1995.
7. Соловьев В.С. Соч. в 2-х т., М., 1989, т. 2.

ИВАН ИЛЬИН О ДУХОВНОМ АКТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Антипина М.С., Лаптева Н.М.

Вопрос о национальной идентичности остро актуален в современной России. В самосознании русского народа размыта национально-культурная идентичность, вследствие чего у русских наблюдается недостаток самостоятельности, активности и инициативности в проектировании своей жизни. В стране наблюдается идейный вакуум. Ситуация осложняется тем, что в России нет национальной идеи. Этот вопрос в свое время волновал выдающегося русского философа И.А. Ильина (1883–1954 гг.).

Вопрос о национальной идентичности в русском самосознании поднимается в философии, культурологии, психологии, социологии и др. Впервые это понятие в науку ввел Э. Эриксон. Он понимал под